

Дети в годы Второй мировой войны

План
урока

45 минут

Возраст:
13-16 лет

Аннотация

Данный урок позволяет учащимся увидеть войну глазами ребенка, который вел дневник или после которого сохранились письменные воспоминания. Учащиеся могут почувствовать время и проявить эмпатию через идентификацию с авторами. Работая в группе, участники научатся читать исторический источник и (в обсуждении) смогут понять, какой была жизнь ребенка в годы войны, а также лучше осознать тяготы военных будней.

Общая цель

Узнать, как изменилась повседневная жизнь детей в разных странах в годы Второй мировой войны.

Задачи

- 1 Прочувствовать трагизм и превратности жизни обычного человека во время войны. Понять, что война затрагивает каждого – богатого и бедного, взрослого и ребенка – вне зависимости от страны проживания.
- 2 Познакомить учащихся с понятиями «образ жизни» и «военная повседневность».
- 3 Сравнить военную повседневность в разных странах: в СССР (Белорусская ССР, РСФСР), в Польше и в Германии.
- 4 Научить учащихся искать информацию в историческом источнике (использовать аналитические навыки, определять важную сведения, проводить критический анализ) и читать такой источник.

Методы работы

Работа с источником, обсуждение, кейс-метод, анализ и сравнение.

Оборудование

Раздаточный материал (тексты из 9 дневников или воспоминаний и вопросы к ним), проектор верхнего расположения (желательно), гаджеты с выходом в интернет (мобильные телефоны учащихся), карта, метки для нанесения на экран.

Авторы

Анна Некрасова Родилась в 1927 г. в селе Петровское, Хомутовский район, Курская область, РСФСР.

Лев Пошерстник Родился в 1924 г. в Туле, РСФСР.

Валентина Шишло (в девичестве Данилова) Родилась в семье военного 10 февраля 1936 г. в деревне Белица Жлобинского района Белорусской ССР.

Зинаида Горячко Родилась 11 июня 1931 г., жила в небольшом селе Высочаны Лиозненского района Витебской области Белорусской ССР.

Крыстына Маркувна Из Пшемысля, Польша.

Ядвига О. Родилась в 1925 г., Дрогобычский повет (округ), Львовское воеводство, Польша.

Герда Альтпетер (в девичестве Раппапорт) Родилась в 1926 г., из города Эссен (Рурская область, федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия, Германия).

Урсула Брехт (в девичестве Линдемман) Родилась в 1928 г., из Кельна, Германия.
Гертруда Цилликенс (в девичестве Ридигер) Родилась 19 мая 1933 г. в Браунсберге (сейчас Браниево), в Восточной Пруссии, Германия.

Примечание: По желанию можно заменить предложенный материал местным или включить другой дневник либо воспоминания, относящиеся к вашей стране.

План и тайминг

Подготовительный этап	Работа в группах	Ответы на вопросы учителя	Обсуждение и подведение итогов
8 минут	15 минут	10 минут	12 минут

План урока
в деталях

Подготовительный этап

- 5 минут** Приветственное слово учителя.
- Учитель актуализирует знания учащихся о Второй мировой войне. Просит вспомнить, когда она началась для разных стран, с каких военных действий. Учащиеся изучают движение линии фронта по карте, вспоминают, сколько продлилась война и когда она закончилась.
- Учитель спрашивает: «Как вы понимаете термин “повседневная жизнь”?» Выслушивает ответы и поясняет этот термин на примерах из жизни самих учащихся.
- 3 минуты** Пояснение задания. Учитель разделяет класс на группы в зависимости от размера класса (не более 8 групп). Каждой группе дают дневник/воспоминания ребенка, жившего в годы Второй мировой войны.

Часть 1 Работа в группах

- 15 минут** Работа в группах с дневниками/воспоминаниями. Учащиеся должны ответить на вопросы о ребенке, написавшем дневник/воспоминания. Учитель может показывать вопросы с использованием проектора. В распечатке текста дневника/воспоминаний учащиеся должны делать пометки, помогающие ответить на вопросы: подчеркивать/выделять или записывать на полях ключевые слова.
- Задание: Посмотрите на материал. Найдите место жительства ребенка на интерактивной карте на экране. Прикрепите метку. Найдите описание населенного пункта в интернете. Какой была тогда ситуация на передовой линии фронта?

Часть 2 Ответы на вопросы учителя

10 минут Вопросы (учащиеся должны отвечать на вопросы от первого лица).

- 1 Представьтесь, пожалуйста. (Как вас зовут, сколько вам было лет в начале войны?)
- 2 Кто из вас жил до войны в городе? Кто жил в деревне? В какой стране вы жили?
- 3 С кем вы жили? Чем занимались ваши родители? В каких условиях вы росли?
- 4 Как вы узнали, что началась война?
- 5 Что изменилось в вашей жизни после начала войны?
- 6 Чем вы занимались в годы войны? Как вы помогали своей семье или друзьям?
- 7 Какие трудности с питанием у вас были?
- 8 Что вам удалось сохранить в вашей повседневной жизни от мирного времени?
- 9 Посмотрите на фотографии военных лет. Выберите ту, на которой можете быть изображены вы (автор вашего дневника/воспоминаний). Поясните ваш выбор (почему вы его сделали).

Часть 3 Обсуждение и подведение итогов

10 минут Обсуждение (модерирует учитель).

Вопросы для обсуждения:

Вариант 1

- В чем отличие детской повседневности до войны и во время войны?
- Как отличалась повседневность в разных странах?
- В какой момент ребенку пришлось сделать сложный выбор? Почему он/она не мог/могла поступить иначе?
- Почему дети пишут так спокойно о страшных событиях?
- Что особенно поразило вас в дневниках/воспоминаниях и почему?

Вариант 2

- В чем отличие и в чем сходство ситуаций, в которых оказались дети?
- Кто из детей оказался в самой тяжелой ситуации?
- Что вас больше всего впечатлило в дневниках/воспоминаниях и почему?

2 минуты Подведение итогов. Краткое резюме учителя по результатам обсуждения.

Авторские права: Американский мемориальный музей Холокоста (USHMM), архив Джулиена Брайена (Julien Bryan Archive)

https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn%3AANd9GcRBgZ-6jM6t2e34kJZD1YFyP6Oq_18KXxUoog&usqp=CAU

<https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn%3AANd9GcRDgPuSsGlhVgREVEPWKfep9-1qowx7GvsrnQ&usqp=CAU>

<https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn%3AANd9GcTX7fOpKZgTMFvroBtX4iLoBA9YF849fbMg-VA&usqp=CAU>

<https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn%3AANd9GcTri-rox0J4iFzuH0IX6OBYDZE6EPXVnWg&usqp=CAU>

<https://encrypted-tbn0.gstatic.com/images?q=tbn%3AANd9GcR58VjYKCY-lp5QgGKVRaGLSI3aH3qw4liLxIQ&usqp=CAU>

Анна Ивановна Некрасова
Родилась в 1927 году в селе Петровское,
Хомутовский район, Курская область, РСФСР.

1941

- 22 июня** “Пришла война”, – говорят шепотом родители. Война... Что это? Война – это страшно, ее боятся. И мне тоже страшно. Украдкой посматриваю на односельчан: у всех в глазах растерянность и страх.
- 10 июля** Сегодня отец ушел на фронт. Каким же тяжелым было прощание!.. Обессилившая от слез мама повисла у отца на плече. Она уже не плакала, словно каменная смотрела на папу. Отец старался прижать всех нас к себе: и меня, и Сашу, и Надюшку. В сердце бьется тревога: увидимся ли мы снова?
- 5 сентября** Сегодня получили первое письмо от папы!!! Рады все! Мама громко читала, в одной руке она держала драгоценный листок, другой рукой слезы вытирала, а они ручьем катились по ее лицу. Потом мама положила треугольником свернутое письмо на стол, мы с Сашкой перечитали его снова. А Надя читать еще не умеет, она взяла его в руки, повертела, погладила тоненькой ручкой и положила назад. Папа пишет: “Мне бы хоть секундочку через игольное ушко на вас посмотреть”.
- 14 сентября** Живем в постоянном страхе. Немцы уже дошли до нас. Вчера с подружками проходили мимо школы, и я была поражена угнетающей обстановкой: пустые классы, облупленные стены, серые потолки. Когда все это кончится?
- 21 ноября** Сегодня престольный праздник, но нет ни гостей, ни угощений. Не до праздников. У многих моих подруг отцов больше нет, только похоронки...

1942

- 6 января** Зима вступила в свои права. Холодно... Каждый раз глотая горячий обед, мечтаю о добавке, зная, что эта мечта несбыточна...
- 27 января** ...Я решилась на очень непростой для меня шаг: обрезала свою длинную косу, за которой не было возможности ухаживать в таких условиях...
- 11 февраля** Сегодня Сашка со своими друзьями тайком передали партизанам оружие. Они собирали его в лесах недалеко от деревни. Маме мы ничего не сказали, она волноваться будет. Ведь за помощь партизанам немец не помилует.
- 5 марта** Уже вечер, а у меня душа никак из пяток вернуться не может. Днем, когда ни мамы, ни Саши дома не было, в хату к нам зашли два фрица. Шастали по комнате, заглядывали за занавески, в подполье, а сами: “Партизанен! Партизанен!” Я сразу догадалась, что они спрашивают, но от страха слова произнести не могла. Сестренка уткнулась лицом ко мне в колени, ладошками уши закрыла. Немцы, не найдя ничего подозрительного, ушли, прихватив с собой еду со стола.

1943

20 июля Давно не писала я в дневнике. Много событий произошло. Немца выбили из нашего села, сколько ж от него натерпелись!.. А Сашка наш на фронт ушел. Сбылась его мечта. Год себе приписал, восемнадцатилетним выдал себя в военкомате. Мама переживает. ... Работы в поле, на огороде много. А работники – женщины, дети, старики. Лошадей коровы заменили. Нас со сверстниками уже взрослыми считают, ответственные дела нам поручают. Мы стараемся...

1944

27 августа Сегодня утром мама достала из сундука отрез желтой бязи и сшила мне платье ко дню рождения. Ведь мне 17. Я счастлива от такого подарка. Надев новенькое платье, я на несколько секунд забыла о войне, в голове кружились мечты о будущем, о счастье, о любви.

1945

9 мая Радостная весть о долгожданной победе! Все ликуют! Как мы мечтали об этом дне! Мама все время поглядывает на шлях, смотрит, не идет ли отец. Я так рада, папка жив, Саша жив! Приходит новая жизнь...

Лев Пошерстник

Родился в 1924 г. Житель Тулы. Лев, школьник и комсомолец, вел дневник до ухода на фронт.

- 22 июня** Сегодня по радио передавали речь Молотова о переходе немецкими войсками границ СССР. Тула и много других городов объявлены на военном положении. Выходной день прошел плохо. Гулял, играл в бильярд и лото. Читал повесть Горького “Исповедь”.
- 23 июня** Сегодня в институте после работы был митинг по поводу войны. Вечером я гулял.
- 24 июня** В институте делал чертеж. После работы гулял, играл в бильярд. В одиннадцатом часу вечера меня вызвали в Райком В.Л.К.С.М. Секретарь рассказал мне о том, что организуется отряд по борьбе с десантами врага. Я добровольно записался в этот отряд. В Туле ночью совершенно темно.
- 27 июня** После работы гулял и играл в городки и в бильярд. Вечером вызвали в райком ВЛКСМ, где я продежурил до 2 часов ночи вместе с другими связистами.
- 28 июня** В институте делал “деталирование” подвесной тележки для подачи леса в шахту. Сегодня я получил свой первый заработок – 188 руб. Вечером гулял.
- 30 июня** Уменьшал чертеж станка. После работы выдавали заборные книжки. Меня прикрепили к магазину № 5. Гулял, играл в бильярд.
- 2 июля** В 4 часа ночи меня вызвали в Райком В.Л.К.С.М. Разносил повестки: был в Кировском поселке. После работы в институте гулял и читал рассказы Зощенко.
- 5 июля** На работу явился, как и всегда, в 8 часов 30 мин. Продолжал деталирование вибратора. После окончания работы 2 часа копал траншеи. Вечером купался на водной станции.
- 8 июля** После работы были занятия по ПВХО. Домой пришел поздно. Гулял. Сегодня вступил в народное ополчение.
- 11 июля** Всю сегодняшнюю ночь не спал, но утром, как и всегда, вышел на работу. В 7 часов вечера занимался военной подготовкой, в народном ополчении от нашего института. Купался с товарищем близ водной станции. Домой вернулись около 11 часов ночи.
- 12 июля** Работал в институте, после чего занимался военной подготовкой в народном ополчении. Вечером гулял. Сегодня ночью была воздушная тревога.
- 14 июля** Сегодня мне исполнилось 17 лет. До 5 часов вечера работал в институте. Получил зарплату. Гулял, ходил купаться.
- 16 июля** Утром была воздушная тревога, по окончании которой я пошел в Райком ВЛКСМ и получил характеристику. Вечером читал “Повесть смутного времени” А. Толстого. Купался на водной станции.

- 1 августа** День провел скучно. Гулял. Вечером стоял в очереди за пряниками. Читал.
- 9 августа** Гулял, ходил в школу, где получил пропуск с правом хождения по городу во время воздушной тревоги. Записался в пожарную дружину. Вечером читал “Историю моего современника”.
- 1 сентября** Утром проделал упражнения с гантелями. Гулял. Читал “Историю моего современника”, а в 4 часа пошел в школу: начался новый учебный год. Учиться мы пока будем в здании машиностроительного техникума по вечерам. Вечером после уроков купался с товарищами и гулял.
- 2 сентября** Утром проделал упражнения с гантелями. Выучил уроки, гулял, читал “Современника”, а к 5 часам отправился в школу. Вечером купался с товарищами на водной станции и гулял.
- 8 сентября** Утром занимался с гантелями, выучил уроки, гулял и пошел в школу. Вечером ходил в Райком ВЛКСМ и записался в истребительный батальон.
- 13 сентября** Утром занимался с гантелями. Время с 11 часов до 16 часов провел на стрельбище, где наше отделение тренировалось в стрельбе и метании гранат. Читал “Историю моего современника”. Слушал доклад секретаря ЦК ВЛКСМ в здании РУ №1 об итогах войны с германским фашизмом. Вечером гулял.
- 18 сентября** С 6 до 10 и с 18 до 22 часов стоял в карауле в обкоме партии. В промежутки между караулами гулял, читал “Историю моего современника”. Ночевал в казарме, смотрел фильм “Конек-горбунок”».

Валентина Шишло (в девичестве Данилова) Родилась в семье военного 10 февраля 1936 г. в деревне Белица Жлобинского района Белорусской ССР.

Война

Во время оккупации семья Даниловых проживала в доме родителей отца Валентины Федора Федоровича Данилова в Белице. В 1943 году немецкие военные переселили их в конюшню. Помимо местного населения, в ней размещались мирные жители, угнанные из Смоленска. Валентине Федоровне было восемь лет, когда ее мать Нину Федоровну с пятью детьми в марте 1944 года вермахт депортировал в лагерь близ Озаричей. Семья Даниловых три дня находилась в пути, ночуя под открытым небом в поле, огороженном проволокой. Тот долгий путь к Озаричам люди называли «дорогой смерти». Людей, неспособных идти дальше, немцы расстреливали на всем пути по дороге в лагерь.

Концентрационный лагерь Озаричи в Гомельской области официально действовал всего лишь десять дней. По приказу вермахта на небольшие площади в болотистой местности было согнано около 50 тыс. гражданского населения – жители Гомельской, Могилевской, Полесской областей Беларуси, а также Смоленской и Орловской областей России. В Озаричи нацисты специально свозили больных сыпным тифом и другими болезнями. Людей заражали с расчетом, что после инфекция распространится и в наступающих частях Красной Армии. В лагере умерли три младших брата Валентины: Гарик, Марат и Борис, а Валентина с сестрой Klarой выжили благодаря бабушке. Валентина Шишло вспоминает:

«Войдя на территорию лагеря, каждый находил какую-то кочку, там садился и сидел, чтобы не сидеть в болоте. Никакого питания, никакой помощи, ничего не было... Издевались. Клади на стол хлеб, а стол минировали. Люди голодные были, подходили за краюшкой хлеба и взрывались. Я это своими глазами видела...»

Они знали, что мы должны были умереть. И мы просто умирали страшной смертью. Это голод, холод и тиф. [...] Помню, около нас лежал дед, вечером они разговаривали, а утром он мертвый лежит, а он в кожухе был, и за этот кожух стали драть его со всех сторон, а бабушка хотела детей на него положить. Благодаря бабушке я и Ляля остались в живых, а все ребята наши там погибли, там же их и похоронили в каких-то тряпках – Гарик, Марат и Борис. [...] Мама говорила, что мы искали какую-нибудь тряпочку, чтобы завернуть, руками разгребали и там похоронили.

По лагерю мы не ходили. Если кто-то костер хотел разжечь, солдаты сразу стреляли. Я болела, очень сильно болела. Бабушка подстелила под меня кожух, я на нем так и лежала, ходить никуда не могла.

С каждым годом вспоминать и рассказывать о пережитом становится лишь труднее. У меня не было детства – его забрала война. В лагере мы с мамой, бабушкой, тетей и моими братьями выживали как могли – март был холодным, днем шел то дождь, то снег, а по ночам был мороз. На территории концлагеря не было никаких построек, мы находились под открытым небом. Днем и ночью нас охраняли немецкие солдаты на сторожевых вышках, оборудованных пулеметами. Когда кто-либо приближался к колючей проволоке, стреляли без предупреждения. Вдоль ограды лежало много убитых и раненых. Не было воды и еды, теплой одежды. Вокруг – очень много больных тифом, болезнь быстро распространялась; люди умирали. Мертвые лежали рядом с живыми. Три моих маленьких братика навсегда остались там, в болоте. Это были 10 дней ада. 19 марта, когда лагерь был освобожден советскими войсками, я называю днем своего второго рождения».

После войны

После войны Валентина окончила среднюю школу, а потом техническое училище. Работала технологом, затем школьным учителем. Параллельно Валентина Федоровна проводила экскурсии по мемориальному комплексу «Хатынь», в ходе которых рассказывала посетителям о лагерях близ Озаричей. С 1990-х гг. Валентина Шишло регулярно посещает место памяти в Озаричах, выступает в школах. С 2010 г. она является председателем минского объединения узников Озаричей. В 2015 г. внучка Инна передала Валентине Федоровне письмо из мемориального комплекса концентрационного лагеря и музея Дахау с информацией о том, что ее отец Федор Федорович Данилов был убит на полигоне СС Хебертхаузен.

Зинаида Горячко

Родилась 11 июня 1931 г., жила в небольшом селе
Высочаны Лиозненского района Витебской области
Белорусской ССР.

До войны

Семья наша была из рабочих. Папа работал столяром, а мама – рабочей на льнопрядильной фабрике имени Карла Маркса в местечке Высочаны Лиозненского района.

Война

В один из жарких дней июня 1941 года, возвращаясь домой с букетами полевых цветов, мы услышали: голоса женщины. Так началась война.

Жить было очень трудно. Фабрику взорвали, станки увезли в Россию, чтобы не достались фашистам. Огорода своего не имели, так как жили только на одну зарплату. Мама ходила по деревням, меняла (примечание редактора: на продукты) одежду. Летом питались одним щавелем, ягодами. А иногда доставали шелуху (очистки) от картофеля, пекли лепешки. В селе тоже было беспокойно. Многие, которые были высланы советскими органами, возвратились и ушли в полицию. Они были прямыми пособниками фашистам.

В 1943 году в наших местах шли тяжелые бои, и немцам пришлось отступить. Нас выгнали из села, так пришлось покинуть родные места. Стояла холодная осенняя погода. Шли пешком, останавливались на ночлег в какой-нибудь деревне. Немцы предложили детей подвезти на машине, но мама не согласилась.

Так нас догнали до Масюковщины, где размещался лагерь для военнопленных и перемещенных лиц. Отсюда, заперев в товарные вагоны, нас увезли в Германию. Переехав границу, открыли двери вагонов, и в нас полетели комья грязи со словами: «Русиш швайне». Шли пешком по дорогам Германии в сопровождении молодых «гитлерюгенцев». Ночевали в помещениях, где содержали скот. Там было тепло, так как животных немцы содержали в чистоте и тепле.

Привели нас в город Зиген, земля Северный Рейн-Вестфалия, [где мы] прошли обработку и были помещены в бараки. Семьи жили вместе, их не разделяли. Сразу же повели на фабрику. Нас, подростков, было около 7 человек по 12-13 лет. Мастер Оскар Биллер (я запомнила его имя и фамилию) сказал: «Одна неделя – и вы будете специалистами». Так я в 12 лет узнала детский труд. Работала на сварке металлических труб. О мастере хочу сказать, что он был неплохим человеком, не бил нас, но ругал, если получался плохой шов при сварке. Видимо, сознавал, что нам, детям, очень тяжело.

Отец работал на очень тяжелой работе, еле таскал ноги в деревянных колодках. Мне его было очень жалко, так как питание состояло из черпака баланды из кольраби и пары ложек зеленого шпината. И то нам сказали, что повезло. Раньше кормили хуже.

Очень много умерло молодых людей. Бараки были под наблюдением полицаев. Я хорошо запомнила Отто и Вильгельма. Отто – молодой, горячий, очень много кричал и размахивал дубинкой, но бить старался меньше, нежели Вильгельм. Доставалось моему отцу, который не хотел уходить в бункер при налетах американской авиации. Он говорил, что лучше умереть, чем влачить такое существование. Перед освобождением нас загнали в бункер и закрыли. Не хватало кислорода, мы стали задыхаться. Мама, папа и я попрощались и готовились встретить смерть. Один из узников по ручейкам, которые текли с гор, нашел выход и пришел за нами. Выходили мы по узкому проходу, который тянулся на некотором расстоянии в горе.

Выйдя из бункера, глотнув свежий воздух, мы упали и потеряли сознание. Через некоторое время, очнувшись, мы увидели машины с американскими солдатами. В тот же день мы ушли из лагеря. Нас подвезли до Шварцвальда, где мы неделю находились в расположении американской части. Нас подкармливали гороховым супом.

После войны

Затем нас передали к своим советским войскам, [мы] прошли регистрацию и вернулись на Родину. Наше село было сожжено. Мы нашли землянку в деревне Бураки и превратили ее в жилье. Мать и отец работали на торфоразработках, я пошла в школу в 5-й класс, так как 4-й я окончила во время войны. Опять голодали. Было поле с невыкопанным замерзшим картофелем; [мы] выкапывали его и пекли лепешки.

В июне 1942 года Кременецкий лицей был заполнен девушками и юношами и их родителями. Конец учебного года. Выступления, презентации, вручение свидетельств. Кто мог бы подумать тогда, что эти двери так долго будут закрыты для учащихся?

Немцы захватили Кременец в период каникул. В здании лицея разместился госпиталь. Вход в здание нам был запрещен. Оккупанты свалили в кучу все бумаги и документы, все содержимое библиотеки и сожгли. Власти не заботились об образовании молодежи – молодежи предстояла работа на Германию и отправка туда.

Каким-то чудом мне удалось уклониться от работы. Я хотела учиться, но где? Работала одна школа, где языком преподавания был украинский, однако поляков там не любили и могли затравить. Я училась дома, под контролем мамы. Долго эта учеба не продлилась, так как мама вынуждена была пойти работать, а я – заниматься домом. Когда у меня было время, свободное от домашней работы, я читала книги, переписывала тексты из учебников и решала математические задачи, чтобы не забыть то, что я изучала в школе.

Однажды ко мне пришли повидаться друзья и рассказали о том, что они учатся. Конечно, это должно было остаться тайной. Меня переполняла зависть: они учились, а я – нет. Когда мама пришла домой с работы, я все ей рассказала и спросила, могу ли я посещать занятия вместе с моими друзьями. Она не возражала, и мы вместе отправились к дому моего друга, где проходили уроки. Меня приняли в класс.

Нас было семь девочек и четыре мальчика, а учил нас профессор Кароль Лах – низкого роста, в пенсне, обладающий широкими познаниями в самых разных областях. Мы получали большое удовольствие от его лекций по литературе и истории, тогда как математика и латынь были более скучными.

Наши занятия проходили с 5 до 7 вечера. После их завершения мы быстро расставались и спешили по домам, чтобы не привлекать внимания полицейских нарядов, ходивших по улицам. Нам разрешалось находиться на улицах только до 7 часов вечера. Иногда мы напрасно ждали профессора, который так и не приходил; на следующий день мы узнавали, что он не смог прийти, так как за ним следили, и ему пришлось сделать большой крюк, а затем бежать домой по темным закоулкам.

Когда за домом моего друга наблюдали, занятия проводили у кого-нибудь другого, часто у нас дома. Наш дом был безопасным местом, так как мы жили в переулке на вершине холма в так называемой «коллективной усадьбе». Немцы старались особо не приближаться к этому месту, так как боялись. Так все шло до марта 1943 года. Наши занятия проходили без учебников, самым примитивным образом.

В 1943 году власти ввели чрезвычайное положение. Нашим встречам мешали частые проверки, полицейские облавы и строгие запреты на передвижение вечером без разрешения. Родители, тревожась за нас, и профессор, переживая за себя, рекомендовали нам повременить с занятиями какое-то время. Так продолжалось до тех пор, пока вся наша группа не разъехалась из Кременца, куда в дальнейшем мы возвращались лишь мысленно из разных уголков Польши.

13 апреля 1940 года меня, мою маму Марию и моего брата Ежи депортировали в Казахстан, в колхоз (коллективное хозяйство), где нас заставляли работать под угрозой голода. Я не могла прокормить семью на те деньги, что зарабатывала, поэтому мы часто голодали и наше здоровье ухудшилось. Рабочие условия были очень тяжелыми для меня, так как мне было всего 15 лет, а я должна была выполнять самую тяжелую работу, чтобы хоть как-то поддержать семью. Мама практически не работала – возраст не позволял, а мой брат был ребенком (ему было 10 лет) и тоже не мог работать. Так и получилось, что я не могла рассчитывать на заработки мамы или брата. Где только я не работала: и на полях, и в саду, и в хлевах. Работа в поле была тяжелой: каждый день мне приходилось идти пешком километров пять до места работы, а опаздывать было нельзя, так как опоздание на работу грозило потерей работы и, возможно, судом. Судебное же разбирательство было обычно сопряжено с риском тюремного заключения на несколько лет.

Условия проживания были очень плохие. Я жила в старом заброшенном доме, крыша которого протекала при любом дожде; думаю, вы представляете, что происходило весной, в период таяния снегов. Всю зиму я проработала в хлевах, а это была нелегкая работа. Я должна была одна накормить и вычистить 53 животных, среди которых было 15 быков и 4 верблюда. Поначалу мне было очень тяжело, так как до того я не работала с лошадьми и быками (не говоря уж про верблюдов), а тут вдруг мне пришлось это делать самостоятельно. Я часто получала удары копытом от лошадей, в меня плевали верблюды, а бык однажды поранил меня рогом. Как-то мне пришлось две недели провести в постели со сломанным ребром. Когда мне стало лучше, меня заставили вернуться на работу; никого не заботило то, что со мной случилось. Я тихо смирилась со всем, успокаивая себя тем, что это не продлится вечно. Мы жили в ужасной нищете, утешая друг друга надеждой на то, что все закончится. И наконец пришел день, которого мы так терпеливо ждали, – день, когда была объявлена амнистия. Тем не менее нас не хотели отпускать с работы, несмотря на амнистию, и отношение к нам не изменилось. И самым ужасным было то, что нас не хотели отпускать из колхоза. Я спасла всю нашу семью от дальнейших мучений, организовав наш побег ночью. Те же, кто не сумел убежать, остались там и по-прежнему страдают...

Герда Альтпетер (в девичестве Раппапорт) Родилась в 1926 г., из Эссена, города в Рурской области, федеральная земля Северный Рейн- Вестфалия, Германия.

Отец Герды, Филипп Раппапорт, был инженером-строителем и градостроителем, хорошо известным за пределами Германии; занимал должность директора Союза поселений в Рурском угольном районе [примечание автора: союз по планированию и строительству поселений для шахтеров в Рурской области]. Следовательно, Герда и три ее старших брата росли в обеспеченной семье.

Беззаботная жизнь семьи резко закончилась в 1933 году: несмотря на то, что Раппапорты приняли протестантскую веру еще в 1880-х гг., Филипп считался евреем согласно критериям расовой идеологии национал-социалистов, а его дети – так называемыми «мишлингами («полукровками») первой степени». Филипп потерял работу через несколько месяцев после прихода национал-социалистов к власти.

[...] Национал-социализм постепенно просачивался и в повседневную жизнь в школе им. Марии Вехтлер: «В пятом классе почти все девочки состояли в “Союзе девочек” и все ходили в униформе. И мы все должны были выстраиваться строем в коридоре, когда приезжали Гитлер, Муссолини, Лудендорфф, Геринг или кто там еще [...]».

Герде Альтпетер приходилось терпеть вопросы своих одноклассниц: «А ты почему еще не вступила? Тебе тоже надо к нам в союз!» Родители Герды купили ей черную юбку и блузку, чтобы она не так сильно бросалась в глаза на парадах рядом с девочками в униформах. Но вступить в «Союз девочек» было невозможно: «Мне казалось странным, что у меня нет членства, и я все время просила маму: “Я тоже туда хочу!”» Вначале мама Герды просто отказывала ей без объяснения причин. «А в шестом классе она наконец сказала, почему нет: “Ты не можешь, твой отец – еврей. Твои бабушка и дедушка были евреями”».

Герда Раппапорт не могла вступить в «Союз немецких девушек» и в «Союз девочек» из-за своих еврейских предков. [...] Девочкам, которые были членами этих организаций, стало понятно, что Герда «исключена» и не может быть им подругой: «С одноклассницами возникало все больше сложностей, так как они все время спрашивали и настаивали. А когда они поняли, в чем дело, иногда они вели себя очень неприятно».

Еще хуже была дорога домой после школы: «Мальчишки из “Гитлерюгенда” делали всякие пакости на улице. Пару раз меня сильно поколотили, но я не сдалась без боя. В городском лесопарке было много колючих кустов. Я пробежала через них, а мои преследователи обкололись колючками и отстали от меня». В целях безопасности Герде приходилось идти домой долгой дорогой по главным улицам, где ей могли бы помочь прохожие.

Кроме того, ей помогла старая еврейская поговорка, которой ее научил отец: «Преврати врагов в друзей, и будешь жить». Она начала предлагать своим одноклассницам помощь с домашними заданиями. Она помогала матери одного из руководителей «Гитлерюгенда», жившего по соседству: «С ней можно было пройти по улице, и мальчишки из “Гитлерюгенда” ничего не говорили, только посматривали на меня исподлобья. И с тех пор никто больше не нападал на меня. Она была мне очень благодарна и очевидно хотела, чтобы меня оставили в покое».

[...]

Летом 1942 года посещение школы для Герды и ее младшего брата Вернера-Карла преждевременно закончилось. Герде было шестнадцать лет, когда начались летние каникулы, и тогда ничто не предвещало беды. «Вдруг оказалось, что приняты новые законы», – законы, запрещавшие так называемым «мишлингам» посещение школы после седьмого класса. Сразу после завершения каникул Герду вызвал в свой кабинет заместитель директора школы им. Марии Вехтлер. Как и директор школы, он был убежденным национал-социалистом, но они оба с уважением относились к Герде как к хорошей ученице. «Мне ужасно жаль», – извинился заместитель директора. Но разве жалость могла заменить Герде школу? «Для меня это было страшным ударом. Я старалась учиться дальше сама». Но работа, которую ей теперь нужно было выполнять в рамках «обязательного года службы», не позволяла сосредоточиться на учебе. [...]

Тяжелое положение Герды и ее семьи усугубилось на фоне участвовавших и все более сильных бомбардировок промышленного города Эссена. Раппапортам нельзя было укрываться в общественных бомбоубежищах, и во время сильных бомбардировок им приходилось прятаться в подвале своего дома. Сейчас Герда Альтпетер понимает, что постоянные бомбардировки, отсутствие сна по ночам и ежеминутная угроза жизни «доводили ее до отчаяния» физически и морально.

Она не заметила, что в тот же период начались первые депортации из Рейнской области в концентрационные лагеря и лагеря смерти на востоке. Но со временем риски увеличились, в том числе и для ее семьи. Начиная с 1941 года ее отец должен был носить звезду Давида: «Он почти не выходил на улицу, разве что в церковь, и тогда он прятал “звезду” под воротником». [...]

После завершения обязательного года службы, 1 октября 1943 года Герда получила место на эссенском химическом предприятии «Гольдшмидт АГ». Она работала ассистенткой в химической лаборатории и участвовала в опытах по очистке железа. Герда считала эту работу «крайне интересной». Но уже в конце 1943 года отдел эвакуировали из Эссена, который сильно бомбили, в австрийский Виллах.

Спасение от собственной депортации: «Меня должны были увезти»

Как-то Герда пришла на работу, а ее отправили к начальнику по персоналу, который без оковностей заявил удивленной девушке: «Вы больны! Идите к своему врачу». Герда не была больна, но последовала указанию. Врач также подтвердил: «Да, вы больны». Он выдал Герде справку о том, что она больна заболеванием, о котором она никогда и не слышала, и отправил ее в санаторий. И только много позже Герда узнала, что произошло: ее врач по вечерам нередко выпивал с гестаповцами, от которых он и узнал, что она находится в непосредственной опасности. Он рассказал об этом своему знакомому – начальнику по персоналу, который, в свою очередь, предупредил Герду.

Она избежала депортации благодаря помощи этих двух человек и вместе со своей матерью отправилась к родственникам в город Бад-Зальцфлен. Но так как железнодорожное сообщение было прервано во время войны, они попали в Хиддесен, где жила семья ее дяди.

Когда ее мать вернулась потом в Эссен, она узнала, что приказ о депортации Герды действительно приходил, но домработница без лишних размышлений отправила письмо обратно с пометкой «в отъезде». Через несколько недель вернулась и Герда. Врач, предупредивший ее, «объявил отбой»: центральный штаб гестапо был разрушен в ходе воздушной атаки, и все документы были уничтожены. Депортация ей больше не грозила.

Кельн, 1944 г.

3 августа

[...] Сейчас у меня каникулы! Длинные летние каникулы! Мы ждем их каждый год! Целых восемь недель! Но в этом году все даже более неопределенно по сравнению с тем, что было. Беззаботные времена прошли. Сейчас нам приходится работать чаще, чем хотелось бы. Многие жалуются и сетуют, так как не могут провести большие каникулы на море или в горах, но такие люди есть всегда – это те, кто просто не хочет заниматься такой работой.

Должна сказать, что меня вполне устраивает та работа, к которой меня привлекли в этом году. Вот уже почти четыре недели я работаю трамвайным кондуктором. Да, настоящим кондуктором, очень молодым кондуктором, конечно, которому только исполнилось 16 лет. Кондуктором с длинными косичками. Но это ничего. Никогда бы не подумала, что постоянная езда взад-вперед будет меня так радовать. Каждое утро, очень рано, в 5.07, я выезжаю по маршруту «№ 11» и езжу туда-обратно между собором и Южным парком. Трамваи, конечно, по-прежнему очень пусты даже утром: иногда в мой вагон заходит рабочий или разносчик газет (они встают очень рано) и без настроения приветствует меня угрюмым: «Добрутро...» Но как же здорово проехать рано утром по еще спящему городу!

В Мариенбурге [примечание автора: район Кельна] я вижу, как медленно восходит солнце над нежной зеленью деревьев. Оно такое огромное и сияющее, что хочется петь от радости. Повезло птицам – они могут беззаботно щебетать и петь свои песни. В городе солнце видишь через руины, и уже нет такой радости, когда оно восходит. Когда я вижу, как солнечные лучи касаются руин, мне не хочется говорить. Особенно шокируют руины на Северинштрассе.

С семи до восьми утра в трамваях становится все больше народа, и иногда вагон настолько заполняется людьми, что я не могу через них пробраться; тогда и начинаются самые разные шутки и поддразнивания: кто-то дергает меня за косы, но я не отвлекаюсь. Я собираю плату за проезд, и часто (пожалуй, даже слишком часто) мне дают чаевые, от чего я всегда смущаюсь. И это правда: я действительно полюбила мой трамвай.

Когда мои знакомые слышат, что я работаю на трамвае, они часто спрашивают у меня, не много ли у меня проблем и не пристают ли ко мне пассажиры или коллеги. Это и впрямь странный вопрос: ни разу за эти недели у меня не было никаких проблем. Наоборот! Люди очень дружелюбны, смеются, шутят и даже помогают мне.

Когда в вагон набивается так много людей, что я не могу пройти ни назад, ни вперед, всегда кто-нибудь крикнет, чтобы меня успокоить: «Не волнуйтесь, барышня, я позвоню в звонок!» Или коллега, который уже закончил свою смену, запрыгнет в трамвай, широко улыбнется и возьмет на себя звонок или площадку. Нет, люди действительно все милые и готовы помочь. Я очень довольна. В трамвае происходит столько всего интересного, что про все рассказать невозможно! Хватило бы на целую книгу!

Но часто бывают и такие моменты, когда заметны становятся невзгоды и страдания нашего времени. Например, когда в вагон заходит инвалид, покалеченный на войне, и, заметно уставший, с отчаянием озирается по сторонам. Да, с нами все в порядке: у нас есть ноги и руки, наши лица не изуродованы и свежи. Мы видим много страданий, но нам нельзя грустить или показывать свою грусть. Мы должны быть в хорошем настроении и должны постараться передать его людям, которым гораздо хуже.

А потом наступает опасное время. Обычно в 10 часов начинается рев сирен противовоздушной обороны. Сирены всегда застают трамвай в разных местах. Становится очень неудобно. Люди начинают ужасно нервничать, пытаются выбраться из трамвая, и мне в который раз становится очевидным, что никто больше не думает о других; все думают только о себе и о собственной безопасности. Нельзя ставить это людям в вину. Когда начинается артиллерийский обстрел, я холодею от страха и больше всего хочу оказаться дома, в нашем маленьком бункере. Но я не дома, и приходится быть стойкой и не унывать. Мы часто боимся и тревожимся, часто падают бомбы, но мы уже к этому привыкли за последние годы. Нередко к концу смены у меня начинается паническая атака; происходит это, когда я жду сменщика и измотана. Не раз я добиралась до трамвайной станции, чтобы подсчитать деньги, через два, три, а то и четыре часа после окончания моей смены. Конечно, я чертыхалась, и, конечно, всегда ошибалась при подсчете.

Вот такая у меня работа в этом году, и она мне нравится гораздо больше по сравнению с прошлогодней работой почтальоном. Я рада, что мне удалось получить такую хорошую работу и что я могу немножко помочь в эту [сложную] пору [...].

10 сентября

Рано утром, в семь часов, к нам пришли рабочие с фабрики во Фрехене [примечание автора: город в земле Северный Рейн-Вестфалия] и установили в подвале стенной сейф для наших самых ценных и важных вещей. Я положила туда мой портфель с любимыми книгами. Происходящее напоминает мне Тридцатилетнюю войну. Нам осталось только зарыть в саду серебро и драгоценности! По правде говоря, мама и предлагала так сделать!

Постепенно полеты самолетов противника в небе над нами стали нормой; иногда они с невероятным воем резко устремляются вниз, обстреливая гражданское население. Днями напролет звучит сигнал тревоги, днями напролет мы бегаем, но к этому быстро привыкаешь и бросаешься в подвал, только если звуки звучат слишком близко и становится опасно.

С завтрашнего дня я начну работать на военном заводе! В пятницу меня отправили [...] в фирму «Пуффрат», у которой есть подразделение по выпуску военной продукции и которая берет на работу школьниц. Там есть три постройки барачного типа, в которых находятся монстроподобные станки; туда нас и отправят работать. Там можно оглохнуть от шума. Эти бараки напоминают мне пещеры, черные от сажи, где царит зловонный смрад карбида. Неужели там и впрямь работают люди?.. Нет, неужели там можно дышать и неужели с завтрашнего дня мне тоже придется там работать?! Когда я об этом думаю, я начинаю сомневаться – ох, что за нелепицу я пишу... Справлюсь как-нибудь!

Сегодня пришли новости о предстоящем крупном сражении за Льеж [примечание автора: город в Бельгии]. Фронт становится все ближе: чем же все это закончится? Мы слышим грохот орудий. Странное чувство, когда вечером в темноте слышишь однообразные раскаты и шум на западе. Нет, лучше не думать, я не должна думать, просто не думать о мальчиках, о моих братьях, которые, возможно, проходят через весь этот ужас на фронте. Как хорошо, что здесь так много работы. [...]

24 сентября

Прошла еще одна неделя. По радио только что передавали прекрасный фортепианный концерт Шумана. Его музыка согревает мне душу! Ах, когда снова наступит мир, я хотела бы сыграть этот концерт: он такой красивый, и я чувствую, как я смягчаюсь под воздействием музыки... Но я смотрю на свои руки и смеюсь. Играть Шумана этими руками?! Такими страшными, в ожогах и мозолях, с заскорузлыми, негнущимися пальцами, которыми я с трудом держу ручку. Сегодня я провожу день в постели, так как вчера я вернулась домой страшно уставшей, а завтра надо снова идти на работу. Я работаю на двух станках, и работаю хорошо. Я подгоняю саму себя изо всех сил, чтобы успеть все сделать: мы работаем так слаженно, что моя задержка приведет к остановке работы других.

В пятницу я получила первую зарплату. 37 пфеннигов за час. Немного скромнее, чем мои огромные заработки на трамвае. Вчера мы, рабочие, занимающиеся тяжелым многочасовым трудом, получили дополнительные продуктовые карточки. Есть хоть что-то, чем можно гордиться! Наконец пришла весточка от Клауса от 17 августа из Сен-Ло [примечание автора: город во Франции] – по меньшей мере, тогда, когда он писал, все еще было у него хорошо. От Гензеля писем нет уже давно... [...]

Гертруда Цилликенс (в девичестве Ридигер) Родилась 19 мая 1933 г. в Браунсберге (сейчас Бранево, Польша), в Восточной Пруссии, Германия.

«Мой отец был на войне. Он редко бывал дома. Он был всем для меня».

Отец Гертруды погиб на войне в 39 лет.

Во время войны Гертруда жила с двумя сестрами – Хедвиг (1930 года рождения) и Ангеликой (1935 года рождения) – и с мамой Катариной (1910 года рождения) в Браунсберге. Они долго не замечали войну и на первом ее этапе ни в чем не испытывали недостатка. Все изменилось, когда они отправились навестить отца девочек Отто в казарме в Кенигсберге и увидели взрыв бомбы. Гертруда была шокирована: она не могла понять весь тот ужас, что происходил вокруг: «Это было действительно страшно! На одежде у людей был фосфор: они прыгали в [реку] Преголю, а когда выходили из реки, продолжали гореть. Горящие люди бежали через город. Это было ужасно, просто ужасно. Я не понимала, как подобное могло произойти».

На следующий день после этого ужасного события в Кенигсберге был первый авианалет на Браунсберг, что стало еще одним поворотным моментом. В Браунсберге гудели сирены воздушной тревоги. К счастью, район, в котором жила семья Ридигер, уцелел. Тем не менее после авианалета тетя девочек перебралась жить к семье Гертруды вместе с сыном: их дом на Банхофштрассе был полностью разрушен.

У матери Гертруды были психологические и физические проблемы, и она начала постепенно терять контроль над собой. Весна 1945 года стала началом периода, когда Гертруда, которой не исполнилось и двенадцати, вынуждена была нести все возрастающую ответственность за мать и сестер. Линия фронта быстро приближалась. Гауляйтер Кох ввел строгий запрет на бегство из Восточной Пруссии, который действовал и в Браунсберге: «Нам не разрешали бежать, нам не разрешали уехать». Этот запрет действовал и после начала наступления на Браунсберг.

Катарина Ридигер, по-видимому, была не в состоянии принимать жизненно важные решения. Она отказалась выходить из квартиры и, соответственно, уезжать из Браунсберга и Восточной Пруссии. Маленькая Гертруда пыталась переубедить ее: «Я сказала: “Мама, все уже уехали отсюда! Мама, нам надо уезжать!”» Тогда же Гертруда в буквальном смысле слова увидела, что их ожидало в ближайшем будущем: она посмотрела в окно в бинокль: «Мы видели, как из Фрауенбурга шли российские танки».

К тому времени Браунсберг был очень сильно разрушен в результате авианалетов и артиллерийских обстрелов. На дату 20 марта 1945 года, когда Красная армия вошла в Браунсберг, около 80% зданий и строений этого небольшого городка лежали в руинах. Гертруда Цилликенс так описывает драматизм произошедшего с ними после прихода Красной армии: «Они пришли к маме и сказали: “Вы должны немедленно покинуть город. Никаких личных вещей, ничего! Уходите с тем, что можете унести в руках”. Мы даже не переоделись». Гертруда была в ужасе.

Мать Гертруды отказалась уходить, сказав, что ее старшая дочь Хедвиг серьезно больна. Она начала объяснять солдату, что ее дочь умрет, если они покинут дом, но тот был неумолим: «Вы должны!» Он не тратил слов впустую. «Если вы не уйдете, я приставлю дуло к твоей груди! Вы должны! У тебя есть дети. Вы должны уйти». Они перестали сопротивляться неизбежному. «И тогда мы ушли». Они практически ничего не взяли с собой, всего пару вещей: им пришлось все нести в руках. Была зима, было холодно, и они надели на себя как можно больше одежды слоями.

Они добрались из Браунсберга в Пиллау, а уже оттуда – кораблем в лагерь для беженцев в Дании. В конце 1947 года было объявлено, что все, у кого есть родственники в Германии, могут переехать в Германию для воссоединения с ними. Катарина Ридигер заявила о наличии у нее в Германии родственника, хоть это и не соответствовало истине. Семье разрешили уехать. Вначале они отправились в Нидербрайзиг на Рейне, а уже оттуда Гертруда отправилась вместе с матерью и сестрами в Хохнойкирхен. Там Гертруда осталась и смогла начать новую жизнь.

